

Василий Михайлович Муравьев: опыт биографического очерка на базе эпистолярного наследия

Статья посвящена важнейшим аспектам биографии Василия Михайловича Муравьева, адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. На базе комплекса источников личного происхождения, в основном эпистолярных, в рамках исторической концепции «человека второго плана» характеризуются вехи и события жизни В. М. Муравьева, его личность, создается образ молодого человека на государственной службе середины царствования Николая I.

Ключевые слова: Сибирь, администрация, Н. Н. Муравьев-Амурский, В. М. Муравьев, историческая биография, персональная история

В последние годы методы и подходы персональной (новой биографической) истории сверхпопулярны. Они позволяют возобновить на новом этапе и, можно надеяться, новом уровне изучение жизни и деятельности отдельных личностей, даже не сыгравших заметной роли в истории. О внимании к этой проблематике свидетельствуют не только реконструкции биографий многих «людей второго плана» в контексте исторической эпохи, но и глубокий теоретический анализ проблемы в рамках работы над проектом «Человек второго плана в истории». Результаты представлены в серии сборников, издававшихся в Ростове-на-Дону под редакцией Н. А. Мининкова¹. Н. А. Мининков и его коллеги в статье, обобщающей результаты пятилетней работы, предложили своеобразную классификацию персонажей и героев подобных исследований, разделив их на три категории. Первая – «выдающиеся личности» («персоны первой величины»), «экстраординарность личных качеств которых создавала у современников и потомков впечатление их исключительности». Вторая – «человек второго плана, который «в большей мере интегрирован в социальный контекст и в этом смысле – типичен», он «выделяется из толпы, но в то же время “не дотягивает”... до масштаба “творца истории” и “вершителя судеб”». И, наконец, лица «“третьего плана” (исторического фона, единиц социального ландшафта) – безымянные, вербально и визуально не представленные как индивидуумы»².

В дополнение к этим разработкам можно привести давние рассуждения С. А. Венгерова. В предисловии к своему знаменитому «Критико-биографическому словарю русских писателей и ученых» он обосновывал необходимость включения в него не только «крупных» и «больших» писателей. «Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях, – писал он. – Нет одиноких вершин на равнине, всякая литературная эпоха есть сплошной горный кряж, одного происхождения и одного и того же свойства. А для изучения свойств данной горной породы столь же характерны мелкие отроги, как и венчающие горный кряж вершины»³.

Среди многочисленных офицеров и чиновников Российской империи были выдающиеся деятели администрации – такие, как братья декабрист А. Н. Муравьев, гр. М. Н. Муравьев-Виленский, Н. Н. Муравьев-Карский или их родственник Н. Н. Муравьев-Амурский⁴. Но были и рядовые, служившие и выполнявшие более или менее важные

* Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: nmatkhanova@mail.ru

** Екатерина Николаевна Туманик – канд. ист. наук, ученый секретарь, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: kattum@mail.ru

¹ Человек второго плана в истории. Вып. 1–5. Ростов-на-Дону, 2004–2008.

² Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Пг., 1915. Т. 1. Вып. 1–3. С. XIV–XV.

³ Там же.

⁴ По линии Муравьевых Александр, Михаил и Николай были шестипородными братьями Муравьева-Амурского, но по материнской линии Мордвиновых их родство было ближе: мать Муравьева-Амурского приходилась племянницей их матери (Муравьев М. В. Муравьевы. Родословная. Ревель, 1893.).

обязанности. Без них огромная машина государственного аппарата просто не могла бы функционировать. Как это было принято в окраинных регионах, офицеры и чиновники нередко выполняли схожие обязанности. Одним из таких офицеров был сын М. Н. Муравьева Василий Михайлович.

Эпоха гр. Н. Н. Муравьева-Амурского традиционно привлекает пристальное внимание исследователей, а многоплановая разработка данной темы, пожалуй, еще на долгие годы останется актуальной для истории России. Очень важно изучение окружения самого выдающегося генерал-губернатора Восточной Сибири – круга тех лиц, на кого он опирался в своей служебной деятельности, работавших под его руководством и сопричастных великому делу освоения Амура. Рассказывая о соратниках Н. Н. Муравьева, воссоздавая на исторической основе их биографии, правомерно строить исследование именно на базе современного направления науки, изучающего роль и место «человека второго плана» в истории. Василий Михайлович Муравьев как раз является классическим примером подобного «человека второго плана», у которого, правда, были все перспективы и возможности со временем стать «персоной первой величины», если бы ему суждена была долгая жизнь. В. М. Муравьев недолго прослужил в Восточной Сибири: он приехал вместе с новым генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым его адъютантом в феврале 1848 г., а 13 апреля 1849 г. уже скончался. В. М. Муравьев был любимым адъютантом генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, оказавшим своему начальнику огромную помощь в управлении краем на первом этапе его служебной деятельности. Известно, что В. М. Муравьев принадлежал к числу самых близких подчиненных начальника, жил (вместе с еще несколькими ближайшими сотрудниками генерал-губернатора) в его доме, пользовался его абсолютным доверием и даже привязанностью. В. М. Муравьев относился к числу «молодых, образованных и проникнутых идейными устремлениями» приезжих чиновников, входивших в «ближайшее окружение Муравьева в первые годы его генерал-губернаторства»⁵. Это был, пожалуй, лучший адъютант и очень способный молодой чиновник в свите генерал-губернатора в 1848 г. Можно сказать, что опора на таких помощников, как В. М. Муравьев, очень помогла Н. Н. Муравьеву войти в должность, крепко взять в свои руки управление краем и определиться с направлениями административной политики.

От последнего периода жизни В. М. Муравьева остались письменные свидетельства как его собственные, так и его сослуживцев, друзей, родных и знакомых. Они позволяют судить о взглядах молодого человека на многие проблемы эпохи, его административной карьере, личных и служебных качествах, нравственном облике. В данной статье на базе, в основном, эпистолярных источников мы постараемся охарактеризовать личность, а также основные вехи жизненного пути В. М. Муравьева, уделив особое внимание сибирскому периоду. Биография Василия Муравьева, прожившего очень короткую, но яркую, активную и насыщенную жизнь, специально не разрабатывалась.

Василий Михайлович Муравьев (9 июня 1824 – 13 апреля 1849), третий сын гр. М. Н. Муравьева-Виленского, безусловно, принадлежал к числу передовых молодых людей своей эпохи – и по морально-нравственным качествам, и по образованию и карьере, и по политическим убеждениям. Выйдя из семейного круга, который по полному праву можно считать, следуя разработкам Н. К. Пиксанова и Ю. В. Манна, одним из истинных «гнезд русской культуры»⁶, он был воспитан в рамках своей большой семьи и в соответствии с ее ценностями, а прежде всего своими родителями, уделявшими огромное внимание детям. Поколение, предшествовавшее в семейной истории Василию Муравьеву, было блистательным. Его отец, герой 1812 года, основатель «Московского общества математиков», декабрист и один из авторов устава Союза благоденствия, преподаватель мо-

⁵ Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 127; Она же. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 148.

⁶ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. Введение в изучение. М.; Л., 1928; Манн Ю. В. Гнезда русской культуры. Кружок и семья. М., 2016. С. 3.

сковского учебного заведения для колонновожатых, в 1827 г. начал административную карьеру (вице-губернатор в Витебске, губернатор в Могилеве, губернатор в Гродно, губернатор в Курске). С 1842 г. М. Н. Муравьев занимал должность управляющего Межевым корпусом; это время совпало с началом военной службы Василия. Дядя Василия Муравьева – один из самых известных декабристов Александр Николаевич Муравьев, «первый декабрист», основатель Союза спасения и Союза благоденствия, к середине 1840-х гг. успевший послужить на двух губернаторских постах – в Тобольске и Архангельске⁷. Мать В. М. Муравьева – Пелагея Васильевна Шереметева, родная сестра жены декабриста И. Д. Якушкина Анастасии. Таким образом, по материнской линии Василий Муравьев был также связан с декабристами близким родством – Якушкин был его дядей; самые тесные родственные и дружеские отношения связывали В. Муравьева и с двоюродными братьями Вячеславом и Евгением Якушкиными, сыновьями декабриста.

Дедом Василия Муравьева был выдающийся военный педагог генерал-майор Н. Н. Муравьев, основатель и руководитель упомянутой школы колонновожатых. После своей отставки и вплоть до кончины в 1840 г. Н. Н. Муравьев принимал самое деятельное участие в воспитании внуков. Но особенное влияние на молодежь семейного клана Муравьевых-Шереметевых оказывала бабушка – Надежда Николаевна Шереметева (1775–1850). Н. Н. Шереметева, урожденная Тютчева, по праву считается одной из выдающихся русских женщин своего времени. Прекрасно известно, какое мировоззренческое и нравственное влияние она оказала на творчество Н. В. Гоголя. Эмоциональность, искренность, сильные чувства, деятельный характер, простота в обращении, страстность натуры – вот отличительные черты ее характера и личности; именно эти качества привлекали к ней людей. Н. Н. Шереметева имела достаточно глубокие для своей эпохи христианские убеждения и много занималась благотворительностью. Она горячо любила всех своих внуков, принимала деятельное участие в судьбе каждого из них, но к Василию была привязана особо. Василий Муравьев также питал к бабушке доверительное почтение и любовь, она была очень близка ему, что отразилось в его письмах к ней за то время, когда он жил с ней в разлуке, вступив на поприще службы. Сохранилось более 30-ти писем В. М. Муравьева к Н. Н. Шереметевой за 1843–1848 гг., написанных с Кавказа, из Курска, Риги, Иркутска.

Обратим отдельное внимание на то, что воспитанию подрастающего поколения уделялось основополагающее внимание в декабристской системе ценностей, восходящей еще к Уставу Союза благоденствия, который был разработан А. Н. и М. Н. Муравьевыми. В собственных детях они, конечно же, хотели вырастить достойную себе смену, своеобразный идеал «слуги Отечества», воспитанный, в том числе, и на собственных переоценках пути в тайном политическом обществе⁸. Личность Василия Муравьева выковывалась совершенно сознательно, став ярким образцом декабристского воспитания. Собственно говоря, именно этим во многом и интересен данный исторический персонаж.

Показательно, что среди выявленных отзывов о Василии Муравьеве нет ни одного отрицательного, что относится даже к оценкам декабриста Д. И. Завалишина, занимавшего крайне критическую позицию по отношению к Н. Н. Муравьеву-Амурскому и его окружению. Приехавший вместе с В. М. Муравьевым в Сибирь и принадлежавший к тому же «нашему кругу» близких соратников генерал-губернатора Б. В. Струве вспоминал о знакомстве с ним: «С этого часа начинается то близкое знакомство мое с Василием Михайловичем, которое кончилось бы тесною дружбою, если бы смерть не похитила прежде времени этого славного юношу, про которого Головин писал Муравьеву, что он приобретает в нем хорошего офицера, усердного к службе, при том дельного, основательного и скромного. Я от себя прибавлю, что это была душа теплая, чистая, светлая, благоговевшая перед сердцем и умом своей матери Пелаг[еи] Вас[ильевны] Муравьевой, урожденной Шереме-

⁷ Туманик Е. Н. Декабрист Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006.

⁸ Там же. С. 291–296.

тевой. “Она чует сердцем и понимает умом многое, что другим невдомек”, – говаривал про нее Василий Михайлович, читая получаемые им от нее за шесть тысяч верст задушевные письма⁹. Упомянутый Головин – это Е. А. Головин, командир Отдельного Кавказского корпуса, под началом которого служили и Николай Николаевич Муравьев, и его молодой родственник и подчиненный.

Важным источником, ярко рисующим личность В. М. Муравьева, является комплекс его писем к Н. Н. Шереметевой, о котором было сказано выше. Прежде всего, Василий Муравьев – человек стойких патриотических убеждений, преданный присяге и добросовестный молодой офицер, не шадящий жизни в военных походах, которых за его плечами было несколько в период службы на Кавказе. В. М. Муравьев вступил в военную службу около 1843 г. и оставался на передовой военных действий вплоть до середины ноября 1846-го. Незаурядное мужество и личная храбрость, стойкость духа читаются в его кавказских письмах к Н. Н. Шереметевой. 12 декабря 1843 г. Василий пишет из станицы Кавказской: «Поход наш кончился, и мы пришли сюда на зиму отдохнуть месяца на два, а там опять в путешествие до следующего октября или ноября месяца: славная жизнь! Чего лучше можно желать в мои лета и по моему характеру!»¹⁰ А вот описание летней кампании 1845 года (письмо от конца июля из станицы Червленной), во время которой Василию исполнился только 21 год: «Благодарю Вас, любезная бабушка, за поздравление и за письмо Ваше, которое я получил тот час же по приходе из похода. Но еще больше благодарю за молитвы Ваши обо мне, грешном, видно, они были услышаны Господом, и ради [н]их я вышел невредим; а было время, когда я мало надеялся на такую благодать Божию, так что следующий день не считал более своим и ежеминутно был готов отдать душу Всевышнему. В том месяце мы забрели в такие места, что никак не чаяли вынести живота своего; но, благодарение Богу, я выбрался благополучно и до будущего года думаю, не придется мне больше воевать. В письме своем, любезная бабушка, Вы спрашиваете, где-то я в день своего рождения? И вспомнил ли я об нем? Вспомнить-то вспомнил, а был в это время в таких местах, в которых у нас в отряде 9 июня положено было человек 100 солдат! Трудно и поверить, но это действительно так было; 9 выпал снег на пол-аршина, и я в тулупе едва мог согреться; вот в какой землице мы обретались [с] 7 июня. Итак, если не получали давно от меня, то винить меня нельзя, из этих стран сообщения в продолжении почти полутора месяца почти никакого не имели. [...] ...Я... делал верст по 25 в день, по камням и по горам пешком, ибо у меня за экспедицию пропали две лошади; ходил не на богомолье, но бить себе ближних и чуть сам побит не был»¹¹. Спустя менее чем через месяц Василий с особым чувством констатировал: «...В последнем письме моем от 27 июля ... я писал о спасении нашем, в котором явно была видна рука Всевышнего, выведшая нас из ужаснейших мест; и вот, не прошло еще и месяца как мы отдыхаем, и я опять готов идти на прежние опасности, так уж создано сердце человеческое; едва начинают изглаживаться из памяти минувшие ужасы и кровавые сцены, которых были свидетелями, опять готовы идти на новые опасности, находя в них особенное какое-то удовольствие»¹². За этот поход В. М. Муравьев получил «Анненский крест с бантом» (Орден Св. Анны 3-й ст. за боевые заслуги) и был представлен к Ордену Св. Владимира (по всей видимости, 4-й ст. с бантом, который тогда очень ценился в разряде военных наград и уступал только Ордену Св. Георгия 4-й ст.).

После участия в Кавказских войнах В. М. Муравьев был переведен в Ригу адъютантом к лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генерал-губернатору Е. А. Головину, также переведенному с Кавказа, и попробовал свои силы на административном поприще, впрочем, не снимая военного мундира. Только «по платью военный», он занимался

⁹ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 163.

¹⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 349. Карт. 34. Д. 13. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 15–15 об., 16 об.

¹² Там же. Л. 17 об.

«письменными делами», как писал в своем послании к бабушке от 24 декабря 1846 года¹³. В первые дни 1848 г. ротмистр Василий Муравьев по личному желанию был назначен адъютантом к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, который приходился ему родственником, и в начале февраля выехал из Москвы к новому месту службы. Н. Н. Шереметева, душевно радуясь за внука, собирала в своем архиве отзывы «о Васе от его начальников» – отрывки из писем третьих лиц, устные свидетельства. Она, отметив, что «Вася объяснился с генералом (Головиным. – *Н.М., Е.Т.*), и тот нашел весьма основательным и дельным желание его служить в Сибири», сохранила выписку из написанного на имя М. Н. Муравьева послания от Е. А. Головина, скрепя сердце отпустившего способного молодого человека к другому начальнику: «При этом случае я не могу не уделить Вам как отцу, что я не без сожаления расстаюсь с вашим сыном, которого хорошие качества подают много надежд, он будет весьма полезен для службы и способен к исполнению обязанностей, требующих деятельности рассудка и основательного постоянства, что он показал и на опыте. Я поздравляю Ни[колая] Ни[колаевича] с таким адъютантом, а для сердца родителей приятен будет сей искренний и по справедливости заслуженный мой об нем отзыв»¹⁴.

По пути в Иркутск к новому месту службы В. М. Муравьев по разрешению Н. Н. Муравьева навестил в Ялуторовске своего дядю декабриста И. Д. Якушкина, специально сделав крюк в 160 верст, направляясь в Тобольск из Тюмени. В письме В. М. Муравьева из Иркутска от 15 апреля 1848 г. есть подробное и эмоциональное, сильное и трогательное описание этой встречи, состоявшейся приблизительно в конце февраля-начале марта: «...Когда он вошел в комнату, то мы стояли молча несколько минут друг перед другом, он узнавал меня, и я – его по портрету, но признаться не решались. Ив[ан] Дм[итриевич] обнял меня первый, и с той же минуты мы считали себя уже как бы давно знакомыми. Несколько часов, которые мне можно было уделить ему, мы проговорили об родных, в особенности же об Вас, любезная бабушка, и детях, и тут-то я вполне оценил эту прекрасную душу, но для полноты этой оценки надо видеть, впрочем, и жилище его, а также и школу, и тогда всякому нетрудно убедиться в высокой добродетели и редких качествах этого человека. Сознаюсь, что время пребывания моего в Ялуторовске было весьма приятно, и тут я увидел, что все похвалы, слышанные мною об Ив[ане] Дми[триевиче] слишком слабы, чтобы по ним можно было верно заключить об его достоинствах. Положением своим он доволен и так привык к нему, что не предполагает возможности перемены его. Ивана Дм[итриевича] беспокоит только то, что он слишком много проживает денег! И через это отнимает у своих родных, при этом я не мог с сокрушенным сердцем н[е] подумать о детях, которые слишком много тратят на свои прихоти, между тем, как могли бы очень легко увеличить содержание своего отца, весьма незначительное, что я мог легко видеть из образа его жизни»¹⁵. После этой встречи 23 марта 1848 г. И. Д. Якушкин написал сыну Евгению, что «хотя не вдоволь, но все-таки с истинным наслаждением поговорил о вас, милых»¹⁶.

Отличительной чертой воспитания Василия Муравьева было его безусловное уважение и даже пиетет к декабристскому прошлому своей семьи, что ярко проявилось, в частности, в его отношении к дяде-декабристу, с которым он встретился в Ялуторовске, а также даже в общении с Д. И. Завалишиным, человеком непростого и в определенной степени строптивного характера. Итак, на основании писем В. М. Муравьева, можно сделать определенные выводы о том, что глорификация декабристского фактора была серьезнейшей компонентой его воспитания. Безусловно, все это было свойственно и другим молодым представителям семейного родственного круга Муравьевых-Шереметевых-Якушкиных. И в этом явлении огромная и неоценимая заслуга бабушки Надежды Николаевны Шере-

¹³ НИОР РГБ. Ф. 349. Карт. 34. Д. 13. Л. 40–41 об.

¹⁴ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 49–49 об.

¹⁵ Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 13. Л. 59–59 об.

¹⁶ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Редакция и комментарии С. Я. Штрайха. М., 1951. С. 308.

метевой, вокруг которой и под духовным авторитетом которой концентрировался фамильный клан, сформированный семьями ее дочерей.

Для В. М. Муравьева не существовало тех проблем относительно восприятия статуса и общественного положения ссыльных декабристов, которые были свойственны, например, Б. В. Струве и другим молодым людям, приехавшим в Сибирь на службу. По словам Струве, они были «в некотором недоумении, как держаться по отношению к государственным преступникам, декабристам. Недоумение это немедленно было разрешено генерал-губернатором: он позволил нам смотреть на них как на равноправных членов местного общества»¹⁷. Все они стали бывать в домах Волконских и Трубецких, встречаться, в том числе в доме Н. Н. Муравьева, с П. А. Мухановым и другими. В. М. Муравьев и сам невольно помогал Н. Н. Муравьеву ломать эти нежелательные стереотипы – в силу семейного воспитания декабристы были для него не государственными преступниками, а лучшими представителями дворянской элиты. Также свободно В. М. Муравьев общался и со ссыльными участниками польского национально-освободительного движения. Вот что о знакомстве с ним записал в своем дневнике 7 августа 1848 г. политический ссыльный Юлиан Сабиньский: это человек «еще очень молодой, служил на Кавказе, где был близко знаком с Михальским Вильгельмом»¹⁸, о котором отзывается с дружелюбием и уважением»¹⁹.

На базе имеющихся источников можно охарактеризовать два важнейших аспекта, составляющих основу сформировавшегося к концу 1840-х гг. мировоззрения В. М. Муравьева. Прежде всего, важным и определяющим штрихом к его портрету является глубокая вера, которой проникнуты практически все его письма – он христианин в полном смысле этого слова, что в первую очередь формирует его моральный облик. В Иркутске по рекомендации брата Леонида Василий Муравьев нашел прекрасного духовника «необыкновенного ума и отлично хороших свойств», узнавшего, пожалуй, лучше всех душу молодого человека, который «любил его беседу»²⁰. Второй момент – политические убеждения В. М. Муравьева, отличающиеся консервативно-охранительными государственно-церковными чертами и неприятием революционных идей. Показательно его высказывание из письма к М. С. Корсакову от 27 мая 1848 г., где он иронизирует относительно «прелестной гвардии, которая стремглав стоит на месте для справедливой кары врагов отечества»²¹. Речь идет о походе для подавления восстания в Венгрии. В. М. Муравьев высказывает досаду относительно промедления в пресечении распространения европейской революции, которая представляет несомненную опасность и для России. В этом высказывании интересна и типичная для поколения Муравьевых-декабристов категория «Отечества», сформированная еще в переписке Священной артели. Весьма вероятно, что это понятие было глубоко усвоено Василием именно на базе семейного воспитания. Как видно, в оценке политических реалий 1848 г. он был полностью солидарен со своим дядей-декабристом Александром Николаевичем Муравьевым, написавшим проект действий против революционной опасности и подавшим записку на имя Николая I²².

Сибирские письма В. М. Муравьева отражают тот деятельный и напряженный ритм, которым жила администрация нового генерал-губернатора, в центре которой он находился как адъютант. Помимо писем к бабушке Н. Н. Шереметевой²³, к этому комплексу относятся послания к родственнику и приятелю М. С. Корсакову, одно из которых уже проци-

¹⁷ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири... С. 169.

¹⁸ Участник польского революционного движения, сосланный рядовым на Кавказ.

¹⁹ Сабиньский Ю. Сибирский дневник. Т. 2. Иркутск, 2015. С. 589.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 340. Карт. 34. Д. 14. Л. 41 об.

²¹ Там же. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 3.

²² Туманик Е. Н. Заслон революции: проект А. Н. Муравьева о создании царской дружины // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2016. № 2 (7). С. 95–99.

²³ См. публикацию сибирских писем В. М. Муравьева к Н. Н. Шереметевой: Туманик Е. Н. Письма Василия Михайловича Муравьева к Н. Н. Шереметевой из Сибири за 1848 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 38–43.

тировано выше²⁴. Они охватывают самый начальный период генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева, становления его политики в крае, которое во многом предопределило его дальнейшие преобразования, и могут служить важным источником как вышедшие из-под пера его любимого адъютанта – ближайшего помощника, полностью разделявшего его политику, молодого человека, близкого ему родственно и духовно. Едва прибыв в Иркутск, 25 марта Василий Муравьев был командирован на десять дней в Кяхту «на китайскую границу» для детального негласного и по возможности точного исследования русско-китайской торговли²⁵. Молодому боевому офицеру, пусть даже хорошо знакомому по прежней службе с принципами делопроизводства, приходилось в самые сжатые сроки на практике осваивать новую для себя административную науку. В письме от 27 мая 1848 г. к М. С. Корсакову В. М. Муравьев, сообщая о своей занятости, замечает: «У меня мало опыта в судейских делах», поэтому приходится трудно²⁶.

Преданный своему начальнику, «несравненному Николаю Николаевичу»²⁷, он оставил в письмах несколько восторженных отзывов как о нем, так и о начале его управления (например, письма от 15 апреля и 14 июня 1848 г. к Н. Н. Шереметевой). Эти оценки представляются достаточно типичными для молодого окружения Н. Н. Муравьева, и можно считать их вполне объективными. 15 апреля 1848 г. В. М. Муравьев писал из Иркутска: «...6000 верст отделяют ото всего родного, впрочем, и это горе вознаграждается Николаем Николаевичем, которого чем больше знаешь, тем больше начинаешь его любить и уважать. И привязываешься всю душою, и я нисколько не удивлюсь, если это возрастет до такой степени, что я буду дорожить службою при нем так, что не захочу выехать из Сибири раньше его. Давно желал я встретить такого человека, но, не имевши в том удачи, потерял было и надежду. Богу угодно было навести меня на Николая Николаевича, и в нем нашел я такого начальника, с которым службу можно считать за великое счастье»²⁸. Слова «не имевши в том удачи» важны для понимания причин переходов В. М. Муравьева с одного места службы на другое до перевода в Сибирь.

В весьма примечательном письме от 27 апреля 1848 г. к М. С. Корсакову, также написанном вскоре после приезда, В. М. Муравьев пишет: «Ты ищешь службы, она есть здесь, разумная, полезная и в высочайшей степени приятная, надо признаться, любезный Михайло, что ты счастлив как немногие, только что начинаешь службу и попадаешь к такому начальнику, как Николай Николаевич; я седьмой год шляюсь по Руси православной, видал всякого народу много, и во все это время постоянным и самым пламенным желанием моим было найти такого начальника, которого я мог бы любить и уважать. Последнее время я уже было отказался от этой надежды, считая ее несбыточной, но Богу угодно было свести меня с Николаем Николаевичем, который, обладая всеми этими качествами, умеет вселять к себе неограниченную привязанность, так что, узнавши его хорошенько, едва ли захочешь когда с ним разлучиться. Ко всему этому надо еще прибавить, что край здешний в высочайшей степени интересен и так как он еще юн, то работы на пользу его предстоит много, людей, которым Н[иколай] Н[иколаевич] мог бы довериться, очень мало, почему ты можешь ожидать, что сложа руки сидеть не будешь в Иркутске, следовательно, не нужно и общество, а нужны добрая воля и изрядное здоровье, у тебя, кажется, за этим дело не станет, и я уверен, что приехавши сюда, ты точно так же будешь судьбой своей доволен, как и я, смотри только, не мешкай. Зная тебя, хоть и не много, уверен, что будешь доволен и службой новою, и жизнью сибирскою, и увидишь на опыте, как полезна здешняя школа и все в ней приобретаемое достается легко и радостно»²⁹.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 1–6 об.

²⁵ Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 13. Л. 56, 58; Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири... С. 126.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 13. Л. 62 об.

²⁸ Там же. Л. 58–58 об.

²⁹ Там же. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 1 об. – 2 об.

Через полтора месяца энтузиазм не остыл, и в письме от 14 июня к бабушке переданы те же впечатления и оценки: «Я же в Иркутске существую как нельзя лучше и никогда мне так хорошо не было, это истинное мое счастье, что мне удалось попасть под начальство такого человека как Николай Николаевич, все мы, т[о] е[сть] приехавшие с ним, от него в восторге, зато здешние чиновники с нечистой совестью не очень-то его возлюбили, они никогда и не воображали, что может стрястись такая беда над ихними головами, и было уже время, а то они уже дошли до такой наглости, что и поверить трудно. Много работает Ник[олай] Никол[аевич], да и впереди еще трудов предстоит немало, но с его способностями, желанием добра и рвением все пойдет хорошо, лишь бы хватило силы и здоровья, а народ уже стал чувствовать благодетельную перемену, и везде благословляют имя нового генерал-губернатора»³⁰. Это доверие, эту веру в благие намерения и возможность перемен разделяли и некоторые другие подчиненные Муравьева-Амурского, особенно из числа окружавших его в первый период управления. Интересно, что эта риторика вошла в самые первые биографические очерки о генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве – как видим, она исходила от его ближайшего окружения, причем молодого и искреннего, чему служит доказательством данное письмо.

Василий Михайлович находился в курсе сокровенных планов своего начальника и общался о намерении его отправиться за Байкал и «в те заповедные страны, которые прилегают к общей нашей зазнобушке Амуру». Его отзыв о Сибири, очевидно, близок к мнению генерала Муравьева: «По твоим вопросам, чем запастись, – пишет он Корсакову, – вижу, что имеешь жалкое представление о великолепной Сибири и разумной нашей службе. [...] Приедешь сюда, также невзлюбишь северной Пальмиры и согласишься, что она единственная причина, мешающая полному развитию Сибири, которая обладает всеми нужными элементами, чтобы стать наряду счастливейших стран земного шара»³¹.

Но вот как отзывается сам генерал-губернатор Н. Н. Муравьев о своем адъютанте (из письма к Н. Н. Шереметевой от 23 июня 1848 г.): «...Он славный помощник и славный человек»³². И другие свидетельства, собранные Н. Н. Шереметевой: «Николай Никол[аевич] благодарит за Васю очень, говорит, что это не адъютант, а клад для него, что он и не предполагал в нем найти столько знания по службе, сколько нашел, не говоря о прочих достоинствах. Точно, он очень деловой молодой человек, он же во все это время один при генерале. [...] Николай Никол[аевич] пишет, что по совести должен сказать, что всякое письмо следует мне начать благодарностью за вашего сына. Такого благонамеренного, трудолюбивого, усердного и делового адъютанта я никогда не могу иметь»³³. Не удивительно, что со временем Н. Н. Муравьев и его супруга очень привязались к молодому родственнику и полюбили его практически как родители³⁴.

Честный и прекрасно образованный и В. М. Муравьев старался не только как можно более добросовестно и ревниво исполнять свои обязанности, но в нем не было ни малейшего желания «выслужиться», сделать карьеру ради карьеры – это замечательное семейное «муравьевское» качество-принцип вполне запечатлелось в его жизненных правилах. Искренность, скромность и доброжелательность позволяли ему успешно решать многие конфликтные и сложные вопросы, с которыми он сталкивался во время адъютантской службы, как это было, к примеру, в отношениях с декабристом Д. И. Завалишиным, человеком непростого характера (тем не менее оставившего хороший отзыв о молодом Муравьеве), с искусством дипломата организовав его первую встречу с новым генерал-губернатором³⁵. При этом Д. И. Завалишин впоследствии очень негативно отзывался о Н. Н. Муравьеве и в искаженном свете вспоминал о своей встрече в Нерчинске с Васили-

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 349. Карт. 34. Д. 13. Л. 61–61 об.

³¹ Там же. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 5 об., 6 об.

³² Там же. Ф. 340. Карт. 34. Д. 14. Л. 63 об.

³³ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 50, 52.

³⁴ Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири... С. 236.

³⁵ Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003. С. 503–504.

ем Михайловичем, который будто бы говорил ему, что генерал-губернатор «не всегда рассудителен ... он горяч и увлекается в необдуманные действия, а остановить, сказать ему правду никто не посмеет, да он ни от кого и не примет. Одни только вы будете в состоянии удерживать и подчас образумить его; вас, я уверен, он послушает... Мы и пытались было, да он нас не слушает»³⁶. Завалишин даже утверждал, что Василий Михайлович был одним из тех, кто разочаровался в генерале³⁷. Конечно, эти оценки навеяны исключительно субъективизмом мемуариста, не выдерживают проверки по другим источникам и не являются достоверными.

Впрочем, тот же Д. И. Завалишин донес до нас преданность делу, ревность и добросовестность В. М. Муравьева. Свою вторую поездку в Кяхту и Забайкалье, уже более длительную, чем весной, В. М. Муравьев совершил в свите генерал-губернатора во второй половине лета – начале осени 1848 г., возвратившись в Иркутск в середине сентября. Новая встреча с Д. И. Завалишиным в Чите произошла в начале сентября 1848 г. при возвращении Василия из Забайкалья немного раньше самого генерал-губернатора. Сам В. Муравьев написал бабушке, что был отправлен Н. Н. Муравьевым в Иркутск с поручением потому, что надо было непременно кого-то послать, а он как раз немного приболел, что и стало поводом. Но Д. И. Завалишин свидетельствовал, что В. М. Муравьев, остановившись в Чите, не мог даже прийти к нему лично, был «очень болен и не в состоянии одеться ... это было начало его предсмертной болезни!» Тем не менее, он настоятельно просил навестить его, чтобы поделиться своими переживаниями о службе – даже в столь серьезном положении служебные обязанности были для него на первом месте (столь типичное «муравьевское» служебное рвение, свойственное как отцу Василия, так и его дяде Александру Николаевичу!)³⁸. В письме от 1 ноября 1848 г. к М. С. Корсакову Василий Михайлович с досадой сообщает о своем самочувствии, становящемся помехой для активной служебной деятельности: «...Кровь приливает к голове, вот уже другая неделя, как я страдаю этою скверною болезнью, и если бы не она, то в настоящее время я был бы уже в Енисейской губернии, куда мне предстоит командировка»³⁹.

11 апреля 1849 г., будучи «опять сильно болен», Василий Муравьев писал своим родным, что, тем не менее, «ему гораздо лучше», и он «собирается в Камчатку»⁴⁰. Именно на способного и компетентного адъютанта Н. Н. Муравьевым возлагалось ответственнейшее поручение, но через два дня Василия Михайловича не стало... Миссию выполнил М. С. Корсаков; это была та самая поездка, в ходе которой посланцу генерал-губернатора надлежало встретиться с Г. И. Невельским⁴¹. Б. В. Струве подробно описал болезнь и смерть В. М. Муравьева, с которым жил в одной квартире и к которому привязался на чужбине «со всею пылкостью юной души»: «Еще с осени 1848 г. В. М. Муравьев стал прихварывать, вследствие хронической перемежающейся лихорадки обнаружилось общее расслабление организма, которое, в свою очередь, преимущественно отозвалось на деятельности мозга, раньше вероятно уже пораженного контузией, полученною на Кавказе. 13-го апреля искренне любимый и уважаемый всеми знавшими его Василий Михайлович скончался в страшных конвульсиях ... Он умер у меня на руках»⁴².

Прощание и похороны описаны в Иркутской летописи: «16 апреля 1849 г. совершено погребение чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, ротмистра Василия Михайловича Муравьева, родного племянника генерал-губернатора

³⁶ Завалишин Д. И. Воспоминания... С. 503–504.

³⁷ Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом), Рукописный отдел (ИРЛИ РО). Ф. 265. Оп 2. Д. 1068. Л. 3 об.

³⁸ Завалишин Д. И. Воспоминания... С. 512–513.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 111. Д. 16. Л. 11 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 17.

⁴¹ Корсаков М. С. Дневные заметки. Пребывание в Иркутске и Путешествие в Охотск. 13 марта – 24 апреля 1849 г. // НИОР РГБ. Ф. 137. Карт. 41. Д. 6. Л. 25 об., 27 об.; Струве Б. В. Воспоминания о Сибири... С. 33.

⁴² Струве Б. В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 5. С. 34.

Муравьева, проживавшего с генералом в одном доме⁴³. Приглашения были по билетам в дом генерал-губернатора к выносу тела. В 9 часов утра прибыл в дом генерал-губернатора Муравьева преосвященный Нил, архиепископ, с духовенством; из дома следовал за гробом по Большой улице до Благовещенской церкви ... процессия ... последовала в Знаменский монастырь; гроб был поставлен на катафалк, играла музыка и пели два хора певчих. По прибытии процессии в монастырь приехал преосвященный Нил и совершил литургию и отпевание в присутствии генерал-губернатора Муравьева с супругой и прочих чиновников. Преосвященный проводил гроб до могилы, приготовленной в ограде Знаменского монастыря»⁴⁴. 29 октября 1849 г. Пелагея Васильевна, мать В. М. Муравьева, писала Н. Н. Шереметевой: «Посылаю Вам описание погребения Васи и Слово, говоренное его духовником, которое всякий раз, что читаю, лишь более и более трогает ... Проповедь такое на меня произвела впечатление, что я тотчас же написала к духовнику и надеюсь, что не в последний раз»⁴⁵.

Кончина Василия Муравьева произвела ошеломляющее впечатление не только на его родных, но и на Н. Н. Муравьева-Амурского. 22 мая 1849 г. П. В. Муравьева сообщала брату А. В. Шереметеву: «Не знаю, как начать... Вчера получили от Васи от 11 апреля ... вчерась же Леонид получил от Нико[лая] Нико[лаевича], что 13 апреля в час скончался. Знаю, сколько тебя огорчит его смерть, но что делать, видно Богу так угодно, а жаль, мочи нет как жаль, славный был человек, плачу я очень, и все мы плачем, крепко всякий его пожалует. Приготовь матушку, ее сильно поразит, она его так любила. Также и Николая [старшего брата В. М. Муравьева. – Н. М., Е. Т.], он будет огорчаться и об нем, и об нас ... Обнимаю всех вас от души, которая, признаюсь, глубоко потрясена. Подробностей никаких не имеем, только пишут, что Нико[лай] Ни[колаевич] ... в отчаянии»⁴⁶. Сам Н. Н. Муравьев в письме к брату Валериану назвал смерть Василия Муравьева поразившим его «жестоким горем», признавался, что они с женой «любили его как сына»: «...Сердце невольно страдает, и мы долго не утешимся от этой потери»⁴⁷.

Итак, Василий Муравьев, способный, скромный, деятельный, отличных человеческих качеств и образования – один из лучших представителей молодого поколения 1840-х гг.; его образ, думается, во многом достаточно типичный, несколько не вписывается в общие представления о молодежи той эпохи, сформированные, в первую очередь, литературными «печоринскими» стереотипами лишнего человека. По сути дела, В. М. Муравьев ничем не отличается от молодежи эпохи декабристов, к которым, кстати, питает безграничное уважение, за исключением того, что воплощает в жизнь свои убеждения не через деятельность тайного общества, а целиком и полностью на государственной службе. В окружающем социуме и государстве он находит вполне отвечающие потребностям его личности условия для реализации своих общественных, корпоративных и гражданско-политических запросов. У него нет противоречий с властью, и он находит полные возможности, не вступая в конфликт с государством и обществом, для реализации своих способностей и интересов на поприще государственной службы. Кстати, в один ряд с В. М. Муравьевым вполне можно поставить и его молодых сослуживцев М. С. Корсакова и Б. В. Струве. Думается, вполне правомерно на этом частном примере сделать вывод о том, что атмосфера 1840-х гг. часто способствовала формированию именно таких личностей, предоставляла им свободу выбора и давала прекрасные возможности для самореализации на уровне офици-

⁴³ На самом деле Василий Муравьев был адъютантом своего дальнего родственника, но иркутяне, как и вообще сибиряки, не склонны были различать военные и гражданские должности подчиненных главного местного начальника.

⁴⁴ Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С предисл., добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Иркутск, 1911 / Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 5. С. 297.

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 340. Карт. 34. Д. 14. Л. 41–42.

⁴⁶ Там же. Ф. 340. Карт. 35. Д. 12. Л. 17–17 об.

⁴⁷ Цит. по: *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири... С. 236.

альной общественно-полезной деятельности, что и такие молодые люди, как Василий Муравьев, были востребованы временем.

Список литературы

- Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд., Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. Т. 1. . Вып. 1–3. 436 с.
- Завалишин Д. И.* Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 608 с.
- Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова).* С предисл., добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Иркутск, 1911 / Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 5. 418 с.
- Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры. Кружок и семья. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 608 с.
- Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1998. 428 с.
- Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
- Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. Введение в изучение. М.; Ленинград : Государственное издательство, 1928. 148 с.
- Сабиньский Ю.* Сибирский дневник. Т. 2. Иркутск: Артиздат, 2015. 838 с.
- Струве Б. В.* Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4. С. 145–184; № 5. С. 27–70.
- Туманик Е. Н.* Декабрист Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск: Институт Истории СО РАН, Параллель, 2006. 372 с.
- Туманик Е. Н.* Письма Василия Михайловича Муравьева к Н. Н. Шереметевой из Сибири за 1848 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 38–43.
- Туманик Е. Н.* Заслон революции: проект А. Н. Муравьева о создании царской дружины // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2016. № 2 (7). С. 95–99.
- Человек второго плана в истории. Вып. 1. Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. 192 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону: РГУ, 2005. 328 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 3. Ростов-на-Дону: РГУ, 2006. 292 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 4. Ростов-на-Дону: РГУ, 2007. 374 с.
- Человек второго плана в истории. Сборник научных статей. Вып. 4. Ростов-на-Дону: РГУ, 2008. 300 с.
- Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Редакция и комментарии С. Я. Штрайха. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 740 с.

Natalya P. Matkhanova, Ekaterina N. Tumanik***

Vasily Mikhailovich Muravyov: the Experience of Biographical Review Based on the Epistolary Heritage

The article is devoted to the most important aspects of biography of Vasily Mikhailovich Muravyov, who was aide-to-camp to the governor-general of Eastern Siberia N.N. Muravyev-Amursky. The authors characterize the events of V. M. Muravyov's life and his personality on the basis of a set of personal sources, mainly epistolary, and within the framework of the historical concept of «a second person». The article creates an image of a young man in public service in the middle years of the reign of Nicholas I.

Keywords: Siberia, administration, N.N. Muravyev-Amursky, V.M. Muravyev, historical biography, personal history

Статья поступила в редакцию 5.09.2018

* **Matkhanova Natalya P.** – Doctor of Sciences (History), Professor, chief researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: nmatkhanova@mail.ru

** **Tumanik Ekaterina N.** – Candidate of Sciences (History), academic Secretary, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: kattum@mail.ru